Дружинин. Н.М. Петербургский совет рабочих депутатов 1905 года.

Е 40 634

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
№ „КАТОРГА и ССЫЛКА" 47-48

Н. МОДРУЖИНИН
947.40
Д 76
КОММУН. УНИВЕРСИТЕТ КАБИНЕТ ЛЕНИНИЗМА
14566

Петербургский совет рабочих депутатов

Москва 1925 г.

1-й экз. ссн. фо

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ

открывает подписку на серию, посвященную

СТОЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ 1825—1925.

1. **Декабристы.** Неизданные материалы и статьи. Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Труды Пушкинского Дома при Росс. Ак. Наук, XVI + 336 стр. + 6 вклеек иллюстр. **Ц. 3 р.**
2. **Декабрист И. И. Пущин.** Записки о Пушкине и письма из Сибири. Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха. 368 стр. + 4 вклейки портретов. **Ц. 2 р.**
3. **К столетию восстания декабристов.** Сборник статей и материалов. **Печатается.**
4. **Вл. Селиванов.** Декабристы. 1825—1925 г.г. Систематический указатель русской литературы. Стр. 160. **Ц. 70 к.**
5. Плакат. **Декабристы.** Исполненный литографским способом в 5 красок 72 + 107 см. **Печатается.**

Цена всей серии в отдельной продаже 8 руб. по подписке 6 руб., с пересылкой 7 руб.

Кроме этих изданий к столетию восстания декабристов издательством выпущены и выйдут в ближайшее время ряд изданий, включенных в серии: **„Историко-Революционная библиотека“** и **„Дешевая библиотека“** журнала **„Каторга и Ссылка“**.

Подписку направлять в контору издательства Всесоюзного Общества Политических Каторжан: г. Москва, Лубянский пассаж, 32. **Тел. 3 64 73.**

Е40 634

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“.

№ 48

947.9
Д-76
КОММУН. УНИВЕРСИТЕТ ... КАБИНЕТ ЛЕНИНИЗМА
ПОГАШЕНО

Н. М. ДРУЖИНИН

ПЕТЕРБУРГСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ 1905 г.

14566

ПРОВ. 1935

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва—1925

32721-89

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕВКАЯ БИБЛИОТЕКА

сф 1326/

Москва. Главлит № 49.318. 35.000 экз.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

1. Как появился Петербургский Совет.

После „кровавого воскресенья“ (9 января 1905 г.) рабочие забастовки распространились по всей России: то затихая, то снова усиливаясь, они поднимали на сознательную борьбу самые отсталые и косные массы; весть о рабочем движении разнеслась по деревням и разбудила дремавшее крестьянство; зашевелилась царская армия, скованная железной дисциплиной; среди всеобщего недовольства царской политикой росло и крепло революционное возбуждение. Революция разгоралась—она готовилась об'ять своим пламенем пошатнувшиеся устои старого строя.

С наступлением осени борьба достигла высшего напряжения. Правительство только-что заключило мирный договор с Японией, признав свое военное поражение и бессилие. Государственные средства были истощены продолжительной и неудачной войной. Доверие к власти было подорвано всюду—не только среди рабочих и крестьян, но и выше, среди помещиков и буржуазии. Огромные массы людей об'единяли одна мысль и одно желание—покончить с самодержавием и передать власть народу. Чувствовалось, что нарастает новая и мощная волна, готовая обрушиться на обессиленное и растерявшееся правительство.

Особенно волновались крупные городские центры. Осенью открылись двери высших учебных заведений, но студенты не могли и не хотели заниматься среди всеобщего возбуждения — они решили отдать открывшиеся помещения для политических собраний. Университеты и институты наполнились волнующейся толпой, начались многотысячные рабочие митинги, полились свободные речи революционных ораторов. Настроение поднималось все выше и выше. Стремление к борьбе, желание действовать охватывало широкие массы. В сентябре вспыхнула забастовка московских печатников, остановили работу булочники, начались столкновения на улицах. Стачечные огоньки стали загораться все чаще и чаще... Наконец, в начале октября разразилась стачка на железных дорогах, и через несколько дней трудовая жизнь остановилась по всей стране. Прекратилось движение пассажирских и товарных поездов, прервалась работа железнодорожного телеграфа, замолчали фабричные и заводские машины, погасло электричество, закрылись многие магазины, забастовали конторы, банки, государственные учреждения. Рабочий класс выступил первый, за ним последовали инженеры, адвокаты, учителя, врачи, чиновники, учащиеся... В России началась „революция скрещенных рук". У всех на устах было одно основное требование — созвать Учредительное Собрание, свободно избранное всем народом, другими словами,—уничтожить царское самодержавие и установить новый свободный строй.

Царская столица Петербург шла впереди движения. Остановились крупнейшие металлообрабатывающие заводы с десятками тысяч рабочих; забастовали большие текстильные фабрики; замерла жизнь петербургского порта; на большинстве улиц прекратилось движение конки; город погрузился во мрак; но в наступивших темноте и безмолвии чув-

ствовался могучий под'ем прозревших и пробудившихся масс.

В эти дни забастовочного под'ема, в разгаре всеобщей политической стачки родился Петербургский Совет Рабочих Депутатов.

С начала года, во время экономических и политических стачек, рабочие привыкли выбирать из своей среды вождей, „депутатов" для переговоров с фабричной администрацией. Депутаты были представителями массы, выступали от ее имени, выражали ее интересы. Часто они об'единялись в „стачечные комитеты" или „советы депутатов" – по крупным предприятиям, по производствам, а иногда и по целым городам. „Совет рабочих депутатов" руководил летней стачкой иваново-вознесенских ткачей. „Совет депутатов типо-литографских рабочих" направлял сентябрьскую стачку московских печатников. В той же Москве созывались об'единенные собрания депутатов типографского, механического, столярного, табачного и других производств. Бывали случаи, когда само правительство пыталось вступить в переговоры с рабочей массой через выбранных ею депутатов: так было в Петербурге после „кровавого воскресенья", когда Николай II приказал сенатору Шидловскому образовать комиссию для успокоения рабочих. Правда, царская попытка не удалась, но депутаты (выборщики) были избраны и получили наказ от товарищей – твердо отстаивать рабочие интересы. Многие из этих депутатов, сознательные революционеры, попали впоследствии в Петербургский Совет

Когда разразилась октябрьская стачка, рабочие особенно почувствовали потребность в об'единении. Стачкой руководила рабочая социал-демократическая партия, которая делилась на два враждующих крыла: „комитет" (большевиков) и „группу" (меньшевиков). Кое-где, правда в немногих местах

имели влияние социалисты-революционеры. Руководящее значение социал-демократии было бесспорно, но сама партия скрывалась в подполье и заключала в себе только передовых рабочих. Когда остановились фабрики и заводы, ее агитаторы рассыпались по районам и, выступая на митингах, связали массы общим настроением и едиными требованиями. Но внутренней связи было недостаточно,—чувствовалась внешняя разобщенность, хотелось связаться теснее и крепче, опереться на общий руководящий центр. Недаром рабочие большого Обуховского завода по собственному почину выбрали депутатов и отправили их в город на предварительные разведки. Такое же стремление существовало и на других заводах.

Вот почему петербургские рабочие так быстро и сочувственно откликаются на призыв социал-демократической „группы" избирать депутатов в революционный рабочий комитет. Идею „стачечного комитета" поддерживают и ораторы-большевики. Решено посылать по одному депутату на каждые 500 человек, как выбирали в комиссию Шидловского; мелкие предприятия должны соединяться вместе для выборов общего депутата. Выборы происходят в разных концах города, на огромных заводских митингах; кое-где рабочие выносят революционные резолюции—боевой наказ своим доверенным вождям. Иногда, в условиях полицейского надзора и организационной спешки не удается выдержать установленных правил представительства: в Совет попадают депутаты и от 300 и от меньшего числа рабочих. Но все избранные депутаты выдвинуты самим пролетариатом, вышли из его среды, спаяны с ним крепкой связью труда, привычек и интересов; за каждым стоит поддерживающая его масса: она следит за каждым движением и словом своего представителя, она

требует от него отчета на заводских собраниях, несет ему свои запросы и нужды, получает от него указания и советы. Каждое предприятие в лице своего депутата связано с рабочими остальных петербургских фабрик; все нити соединяются в крепкий и неразрывный узел. Этот новый организационный центр охватывает собой сотни тысяч петербургских пролетариев и призван направить их стачечное революционное движение в единое и стройное русло.

13 октября в помещении Технологического института собираются первые избранники от Невского района. Их еще мало—всего 30—40 человек; во многих местах выборы еще не произведены, некоторые предприятия еще не успели забастовать. Но собрание уже чувствует себя представителем всего рабочего класса. Оно обращается к пролетариям столицы со следующими словами: „Товарищи! Мы, депутаты разных петербургских фабрик и заводов, обсудив положение, призываем всех рабочих поддерживать великое дело борьбы за свободу, за счастие народа и присоединиться к всероссийской забастовке. Еще одно усилие — и с народа спадут цепи векового рабства. Но для этого усилия рабочий класс должен крепко сплотить свои ряды, должен выступать, как единая, организованная сила... Поэтому мы постановили об'единить руководство движением в руках общего „Рабочего Комитета". Этот „Комитет", об'единив наше движение, придаст ему организованность, единство, силу.

... Организуйтесь, товарищи, спешите выбирать депутатов".

На следующий день это воззвание оглашается в рабочих кварталах. К вечеру, в том же Технологическом институте сходится второе собрание новой организации—на нем присутствуют выборные

от 40 крупных предприятий, от 2 небольших фабрик, от 3 профессиональных союзов — печатников, приказчиков и конторщиков. Принимается постановление о продолжении и расширении стачки; разрабатывается целый план организованного вовлечения масс в начавшуюся забастовку: убеждать на митингах, призывать в печатных листках, посылать депутатов на работающие фабрики, грозить хозяевам, действовать через инженеров и техников, наконец, силою снимать с работы упорствующих.

Забастовка растет, а с нею расширяется и состав Совета. Проходит еще один день, и в помещение института являются уже 226 депутатов от 96 предприятий и от 5 профессиональных союзов. Избираются председатель и секретарь Совета. На-ряду с депутатами от рабочих приглашаются с совещательным голосом представители революционных партий — соц.-демократов большевиков, соц.-демократов меньшевиков, соц.-революционеров (по 3 от каждой). Совет Рабочих Депутатов еще не получил твердого названия, его еще называли одни— „Рабочим Комитетом", другие—„Стачечным Комитетом". Но его состав и характер определились, его цели и значение все более выясняются. Совет — беспартийная массовая пролетарская организация, он становится руководящим боевым центром, он призван возглавлять собой рабочую революцию. В его состав входит немало беспартийных депутатов, в его рядах есть люди разных революционных убеждений. Но передовое ядро Совета состоит из рабочих—социал-демократов; речи и предложения социал-демократических ораторов собирают подавляющее большинство голосов; социал-демократической партии принадлежит фактическое руководство деятельностью Совета.

Чтобы обеспечить непрерывное и быстрое исполнение своих решений, Совет избирает из своей

среды Исполнительный Комитет — по два депутата от каждого из 7 городских районов, по два от каждого профессионального союза и по три представителя от каждой из 3 революционных организаций. Чтобы теснее и крепче связаться с массами, Совет образует районные штабы, в которые входят все депутаты, избранные районом; эти штабы становятся мелкими пролетарскими центрами, которые проводят в жизнь постановления Совета

Весть о создании „Рабочего Комитета" разносится по Петербургу. Интеллигентские союзы — инженеров, врачей, учителей, адвокатов и др. — просят разрешения прислать в Совет и своих депутатов. Но Совет отказывает им в этой просьбе: его состав должен остаться классово-пролетарским, он должен воплощать в себе интересы рабочей массы.

Уже в первые дни Совет публично демонстрирует пролетарский характер своего состава и своих требований: 14 октября он посылает депутатов в Петербургскую городскую думу, наполненную домовладельцами и чиновниками; он предъявляет этим представителям буржуазии целый ряд требований, которые должны облегчить его революционную борьбу с правительством: обеспечить продовольствием бастующих рабочих, отвести помещения для собраний, прекратить довольствие полиции и жандармов, выдать средства на вооружение рабочих. После долгих усилий и под угрозой ареста, депутация доводит до конца данное ей поручение; стены городской думы оглашаются революционными речами, и выборным буржуазии ставится основной вопрос политической борьбы: „Мы пришли к вам, чтобы узнать, с кем вы — с народом против абсолютизма (самодержавия), азиатчины или с абсолютизмом против народа, против свободы". Дума отстрочивает свой ответ. Через несколько дней становится известно, что требова-

ния Совета отвергнуты. Пути пролетариата и буржуазии расходятся в разные стороны.

Наступает исторический день 17 октября, когда перепуганный массовым революционным под'емом, бессильный подавить его при помощи оружия Николай II подписывает манифест о свободе. На следующее утро населению столицы становятся известны царские обещания созвать законодательную Думу, установить неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов. Самодержавие сделало первую решительную уступку, революция одержала свою первую частичную победу.

Но можно ли верить обещаниям манифеста? Можно ли свертывать революционные знамена? Этот вопрос во всей своей остроте встает перед Советом Рабочих Депутатов. Совет дает на него единодушный и твердый ответ: „Стиснутое железными тисками всеобщей политической забастовки российского пролетариата, самодержавное правительство пошло на уступки... Но борющийся революционный пролетариат не может сложить оружия до тех пор, пока политические права русского народа не будут установлены на твердых основаниях, пока не будет установлена демократическая республика—наилучший путь для дальнейшей борьбы пролетариата за социализм". Забастовка продолжается. Совет поддерживает прежнее требование — Учредительного Собрания и подкрепляет его новыми: всеобщей амнистии *), вывода войск, вооружения рабочих, отмены исключительных положений (военного, усиленной охраны).

18 октября улицы Петербурга заливает несметная толпа, требующая освобождения заключенных. Шествие останавливается перед Советом, Совет берет на себя руководство демонстрацией. С крас-

*) Освобождение политических заключенных.

лыми флагами, с революционными песнями, многотысячная лавина направляется к зданиям тюрем. Впереди, с белыми повязками „главнокомандующие" от Совета—Троцкий, Кнунианц, Хрусталев-Носарь. В течение нескольких часов собравшиеся массы демонстрируют свою волю к дальнейшей борьбе, свое беспрекословное подчинение пролетарскому органу.

Демонстрация не была разогнана, но расстрелы и избиения продолжались и в этот день, первый день возвещенной „свободы". Убитые и раненые подбирались на улицах; лицемерие царского манифеста вскрывалось перед всеми воочию. Совет Рабочих Депутатов решает организовать торжественные всенародные похороны погибших. Он развивает энергичную деятельность: поднимает районы, вырабатывает церемониал шествия, берет на себя ответственность за порядок. В воскресенье, 23 октября, предположено организовать эту траурную манифестацию, которая послужит живым протестом против правительственных зверств. Но контр-революция не дремлет: при поддержке власти по всей России прокатываются еврейские погромы, избиения студентов и передовых рабочих. Петербургский генерал-губернатор Трепов грозит погромом и пролетариату столицы. Собираются и подсчитываются черносотенные силы. Готовится открытое нападение не похоронную процессию. Совет учитывает создавшееся положение и решает не поддаваться провокации правительства. Силы еще не равны, открытое столкновение невозможно. Всенародные и общие похороны заменяются погребениями по районам и повсеместными митингами. „Петербургский пролетариат, — заявляет Совет, — даст царскому правительству последнее сражение не в тот день, который изберет Трепов, а тогда, когда это будет выгодно вооруженному и организованному пролетариату".

Между тем забастовочная волна начинает спадать, из Москвы и провинции приходят известия о прекращении стачки. Необходима временная передышка, укрепление на завоеванных позициях. Совет чутко улавливает настроение массы и декретирует возобновление работ 21 октября в 12 часов дня. Это назначение определенного дня и часа должно показать организованность и солидарность петербургских рабочих. Советом дан сигнал, и по его призыву, одновременно и повсеместно, должны завертеться фабричные колеса и застучать заводские молотки.

Всеобщая стачка прекращена, но революционная борьба не закончена. Может ли разойтись об'единенная организация петербургского пролетариата? Нет! Она должна остаться на своем боевом посту, продолжать руководство движением, готовиться к новым решительным битвам. Совет Рабочих Депутатов перестает быть стачечным комитетом и превращается в массовый орган революционной борьбы. Перед ним встает новая ответственная задача—подготовить необходимую почву для последнего революционного штурма.

II. Как действовал Совет.

„Дана свобода собраний, но собрания оцепляют войсками... Дана свобода слова, но цензура осталась неприкосновенной... Дана неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены заключенными... Дана конституция, но оставлено самодержавие",—в таких словах оценивал политическое положение самый влиятельный из деятелей Совета, Л. Д. Троцкий. Что же делать при создавшихся условиях? Спокойно ждать, исполнятся ли лицемерные обещания свободы? Нет! Нужно немедленно и решительно осуществлять действитель-

ную свободу слова, печати, союзов, собраний, не спрашивая власти и не ожидая ее „разрешений“,— революционно, насильственно, захватным путем! Так рассуждали в Петербургском Совете и таков был избранный им путь.

Рабочие массы находились под впечатлением одержанной победы, правительство было растеряно и выбито из привычной колеи. Старые законы утратили свою силу, новые еще не были изданы. Огорошенные манифестом, царские чиновники, жандармы, полицейские бродили, как в потемках. Что можно и чего нельзя? На этот вопрос не мог бы дать ясного ответа и сам виновник возвещенной „свободы“, новый глава правительства граф Витте. Революционное настроение не погасло, оно разгоралось все сильнее и сильнее. Новые, еще более отсталые слои воскресали к сознательной политической жизни. Воспользоваться растерянностью врага и, опираясь на массовый под'ем, создать „революционное право“, ввести и закрепить новые свободные порядки—такую задачу поставил себе Совет.

Депутаты, не спрашивая разрешения полиции, созывают на заводах широкие политические митинги, приводят на них партийных ораторов, ведут открытую революционную агитацию. При поддержке Совета рабочие разных производств основывают профессиональные союзы, которые должны руководить экономической борьбой петербургского пролетариата. Специальным декретом Совет устанавливает свободу печати: рабочие должны печатать только те газеты, которые не посылаются издателями в цензуру, не проверяются царскими чиновниками. Собственная газета Совета, „Известия Совета Рабочих Депутатов“, печатается большею частью захватным путем: рабочие занимают какую-нибудь газетную типографию, в помещение

входят наборщики, печатники, забирают хозяйскую бумагу, и через несколько часов свежий номер „Известий“ в десятках тысяч экземпляров бесплатно раздается во всех районах. Правда, советская газета выходила редко во время забастовок, когда стояли все типографии. Но революционный пример Совета был образцом для подражания: под давлением рабочих хозяева типографий перестали исполнять старый закон о печати. Газеты, журналы, книги начали выходить свободно, без всякого разрешения. Появились открытые революционные издания. Свобода печати установилась сама собой, и царскому правительству оставалось бесплодно гоняться за газетчиками, отбирая ненавистные ему революционные журналы и газеты.

Рабочие-печатники не допускали только одного вида литературы, и в этом отношении Совет поддерживал и поощрял их: когда хозяева заставляли их набирать заказанные погромные прокламации, они решительно отказывались и передавали подлинники в Совет. Черносотенным организациям оставался единственный путь—печатать свои воззвания подпольно, при поддержке правительства.

Развивая широкую революционную деятельность, Совет не скрывал ее ни от рабочих, ни от правительства. Наоборот, он старался сделать ее как можно публичнее и всенароднее. Он собирался открыто, в присутствии гостей и посторонних слушателей; ежедневно печатал отчеты о своих заседаниях; вступал в деловые сношения с министрами, государственными учреждениями, отдельными чиновниками. Весь Петербург, вся Россия следили за его работой и читали его резолюции. Этим открытым, смелым образом действий Совет сам себя „легализировал“, т. - е. заставил власть признать за собой право на существование и на открытую деятельность.

Совет пошел еще дальше: не доверяя правительству, он взял в свои руки оборону самого себя и рабочих районов. Полиция усиленно подготовляла петербургский погром; со всех концов собирались мелкие лавочники, босяки, просто темные люди, которые должны были обрушиться на заседание Совета, перебить депутатов, терроризировать (запугать) рабочих. Совет должен дать им отпор, но оружия мало, денежных средств для приобретения револьверов тоже немного. Что делать? Депутаты Совета бросают клич, и 29 октября на всех металлических заводах начинается выковывание холодного оружия. Вечером, на заседании Совета, рабочие демонстрируют результаты своей работы: металлические пики, плети, клинки, кастеты... Крупные предприятия собирают деньги на покупку огнестрельного оружия, запасаются „браунингами" и „смитами". Образуются дружины самообороны, создается собственная рабочая милиция. Заседания Совета оцепляются патрулями. По ночам рабочие кварталы охраняются караулами. Черная сотня бьет отбой и благодаря энергии Совета столица избегает подготовленного погрома. Правда, полиция усиленно гоняется за дружинниками, разоружает и арестовывает их. Но ей не удается выполнить свою цель: много оружия уцелело от ареста, и боевое вооруженное ядро осталось крепкой опорой пролетарского центра

Захватное завоевание свободы было не единственной работою Совета. Уже в первые дни послоктябрьской стачки в недрах рабочей массы созрело новое властное требование захватным путем осуществить 8-часовой рабочий день на фабриках и заводах. Пролетариат чувствовал себя победителем, перед ним раскрывались широкие дали, вокруг него кипела бурная политическая жизнь— заседания, митинги, свободные речи ораторов, сво

бодные выступления в печати. Жадное стремление приобщиться к этой публичной жизни, прислушаться к революционному слову, погрузиться в чтение газеты охватывало тысячи людей. Продолжительная, истощающая работа на фабрике стояла преградой этому желанию. С давних пор партийные агитаторы внушали массам, что необходимо добиваться сокращения рабочего дня, что расширение досуга — необходимое условие сознательной, осмысленной жизни. Металлисты поняли это первые: на Семянниковском и Обуховском заводах они еще летом, захватным путем, ввели 9-часовой рабочий день. Казенное ведомство признало этот факт и утвердило его своим согласием. Теперь настал черед всех рабочих: совместно, общими усилиями, под руководством Совета надо добиваться введения 8-часового рабочего дня. Завоевывать его так же, как завоевывается свобода: не договариваясь с хозяевами, работать только 8 часов; кончится назначенное время — покидать завод, не ожидая гудка. Победили семянниковцы и обуховцы, победим и мы! Так рассуждали рабочие на различных предприятиях Петербурга

Созываются заводские собрания, обсуждается внесенное предложение. Советские депутаты поддерживают его — они мыслят и чувствуют, как вся остальная масса. Резолюция выносится единогласно, с воодушевлением. Совет Рабочих Депутатов стоит перед лицом совершившегося факта: на целом ряде крупных заводов массы начали революционное проведение своего заветного лозунга. Общее настроение единодушно: районы наперерыв высказываются в пользу предложенной меры. Со стороны представителей партий нет возражений. Правда, многие понимают всю рискованность начатой кампании: достигнуть 8-часового рабочего дня усилиями одного города едва ли возможно, революционное проведение

такого серьезного экономического требования чревато большими осложнениями. Но вера в революционную силу массового под'ема берет верх над всеми сомнениями и вопросами. Петербург начнет, провинция откликнется и поддержит; под давлением масс капитал уступит, факт превратится в право, частные завоевания приведут к общей победе и закрепятся в государственном законе. Без прений принимается постановление Совета: „С 31 октября на всех заводах революционным путем ввести восьмичасовой рабочий день".

Декрет Совета встречает восторженный отклик в пролетарских массах. Ни одно требование не было так близко и дорого каждому рабочему. Борясь за свободу, Совет выдвигал лозунги, которые разделяли и другие общественные классы. Борясь за сокращение рабочего дня, Совет выдвигал свое, классовое, пролетарское требование, которое вышло из самых глубин рабочей массы, поддерживалось самыми отсталыми, несознательными слоями. Оно обещало коренное улучшение рабочего быта, и пролетарии Петербурга воодушевленно и стойко начинают проводить его в жизнь. Впереди действуют металлисты, за ними выступают текстильщики. Отработав 8 часов, рабочие дружно бросают станки и машины, выходят из мастерских, развертывают красные знамена и с пением марсельезы отправляются снимать мелкие заведения. Фабриканты растеряны и на первых порах ограничиваются пассивною мерою: они записывают в рабочие книжки меньшее количество часов и соответственно сокращают выдаваемый заработок.

Но по мере обострения борьбы, капитал мобилизует все свои силы и готовится к организованному отпору. Пока рабочие боролись за политическую свободу, буржуазия занимала позицию дружественного невмешательства (за время октя-

брьской стачки многие хозяева заплатили рабочим); когда рабочие нанесли удар самодержавию капитала, затронули экономические основы фабричного быта, буржуазия увидела перед собой классового врага и перешла в ответное наступление. Начинается постепенное об'единение петербургских предпринимателей. Хозяева 72 механических и металлургических заводов заключают между собой взаимный договор—не допускать у себя сокращения рабочего дня. Их примеру следуют владельцы 19 текстильных предприятий. На всех заводах и фабриках вывешено об'явление, которое грозит упорствующим рабочим немедленным закрытием предприятий. Но пролетариат верит в свои силы, в могучее влияние солидарности и продолжает начатую борьбу. Новые и новые предприятия откликаются на декрет Совета. Тогда на поддержку буржуазии выступает само правительство: в его руках сосредоточены крупные строительные и оружейные заводы; оно первое применяет высказанную угрозу организовать локаут (т.-е. закрытие заводов). Примеру казенного ведомства следуют частные фабриканты. Более сотни тысяч рабочих выброшено на улицу. Начинаются бедствия массовой безработицы и нужды. Денежные средства почти отсутствуют, поддержка со стороны ничтожна. Перед лицом об'единенного фронта—самодержавия и капитала—петербургский пролетариат еще не в силах одержать окончательную победу. После напряженных усилий и мучительного искания выхода Совет Рабочих Депутатов вынужден начать организованное отступление. Нелегко было Совету решиться на эту меру. Избранникам массы приходилось отказываться от самого заветного и близкого требования. Раздавались страстные протестующие голоса, вспыхнули продолжительные и горячие споры. Но интересы революционной борьбы и спокойный учет

создавшегося положения требовали отсрочки. На заседании 12 ноября, после четырехчасового обсуждения, Совет постановил: „Временно приостановить немедленное и повсеместное захватное введение 8-часового рабочего дня", но возобновить эту борьбу впоследствии, об'единившись с рабочими всей остальной России.

Решение Совета было неизбежным выводом из сложившегося соотношения сил: прежде чем сделать этот последний вывод, Совет пережил новую вспышку политической борьбы. В экономическую схватку с буржуазией вклинилось другое революционное выступление, которое потребовало большого напряжения сил и значительного количества жертв.

Октябрьская победа и „дни свободы" произвели сильное впечатление на войско. 26 октября началось восстание в кронштадтском флоте. Матросская масса оказалась недостаточно организованной, движение вылилось в форму стихийного бунта и закончилось уличным погромом. Правительство подавило восстание пехотными войсками, арестовало сотни матросов и готовилось применить к ним военно-полевой суд. Тысяче двести повстанцам грозила неминуемая смертная казнь. Известие об этом разнеслось по Петербургу и вызвало необычайное волнение в рабочих массах. Всем было ясно, какое значение приобретает это событие. Если революция победит, то только при одном условии, если армия перейдет на сторону борющегося народа; рабочие не обманывали себя: борьба будет кровопролитна и упорна, вооруженное восстание неизбежно, за армией будет последнее слово. Завоевать сочувствие и поддержку солдатской массы было очередной и важнейшей задачей революции. Если правительству удастся расправиться с арестованными матросами, революции будет нанесен жесто-

кий удар. Необходимо выступить на защиту повстанцев и этим выступлением завоевать себе ответное сочувствие войска. Решительными и смелыми действиями надо показать, что пролетариат и армия стоят заодно, что перед ними общая и великая цель—завоевание свободы.

Так рассуждали не одни партийцы, такая мысль сквозила и в рабочих резолюциях, которые выносились на заводских собраниях. Волна возмущения и протеста заливала пролетарские кварталы. В воздухе повеяло близостью новой политической забастовки. Правительство подливало масло в огонь. Еще бессильное в центре, оно обрушилось на волнующиеся окраины и на бунтующую деревню: 29 октября вся Польша была об'явлена на военном положении; одновременно в Саратовскую, Черниговскую и Тамбовскую губернии были разосланы с неограниченными полномочиями генералы для подавления крестьянского движения. Реакция поднимала голову, самодержавие начинало переходить в наступление. Можно ли отвечать на эти вызовы спокойным молчанием? Или необходимо усилить борьбу, поставить преграду контр-революции, завоевать новые позиции?

Настроение рабочих масс повышалось. Орудие стачки казалось еще острым и непреодолимым. Надо провести всеобщую политическую забастовку, дружным напором отстоять жизнь кронштадтским матросам и добиться отмены военного положения. На чрезвычайном заседании Совета 1 ноября выслушиваются делегаты Польши и участники восстания в Кронштадте; оглашаются заводские резолюции; опрашиваются районы; дается слово ораторам; взвешиваются все доводы за и против. После продолжительных и бурных прений побеждает боевое течение. Совет выносит резолюцию о всеобщей политической забастовке под

лозунгами: „Долой полевые суды! Долой смертную казнь! Долой военное положение в Польше и во всей России!“.

На следующий день 2 ноября, в 12 часов дня, останавливаются петербургские фабрики и заводы. Забастовка начинается дружно, захватывает мелкие мастерские, распространяется на такие предприятия, которые не бастовали и в октябре. Она сопровождается огромными митингами и уличными демонстрациями. Никогда мощное влияние Совета не проявлялось так ярко, как в эти дни. Но эта новая ноябрьская стачка носит чисто пролетарский характер. Несмотря на свои политические требования, она не встречает всеобщей поддержки. Интеллигентский „Союз Союзов“ откликается медленно и пассивно, в рядах либеральной буржуазии раздается осуждение по адресу неспокойных рабочих, которые переоценивают свои силы; заводчики и фабриканты негодуют на новую остановку производства. Чувствуется, что имущие верхи удовлетворены царскими обещаниями и предпочитают спокойное и мирное проведение „конституции“. Революционная борьба в городе и деревне грозит социальными потрясениями. Народные низы в своем стихийном под'еме переходят пределы „возможного“. Пора остановить стремительный бег революции и возвратиться к спокойному и мирному труду. Так рассуждали в буржуазных газетах, на либеральных собраниях, в квартирах обывателей. Было ясно: происходит размежевание классов, недавние попутчики отстают от борющегося пролетариата, вся тяжесть революционной борьбы падает на его плечи. Перед ним уже два врага: не только ослабленное самодержавие, но и торгово-промышленная буржуазия, испуганная размахом революционной борьбы, ростом социалистической агитации, организацией многотысячных масс. Пра-

вительство приобретает могучих союзников: его поддержки ищут владельцы промышленных предприятий, потрясенных частыми забастовками, к его помощи взывают испуганные помещики, бежавшие из своих горящих усадеб. Чаша весов начинает медленно перетягиваться в обратную сторону. Но положение еще грозное, правительство еще не в силах приступить к решительным действиям. Оно предпочитает умеренную тактику мирного увещания: граф Витте обращается к „братцам-рабочим" с успокоительным письмом, уговаривая их стать на работу, бросить смуту, пожалеть своих жен и детей. Целое заседание 3 ноября Совет посвятил подробному обсуждению этого письма. В энергичной и резкой резолюции Совет разоблачил лицемерие царского министра, закончив ее следующими словами: „Совет Рабочих Депутатов заявляет, что рабочий класс не нуждается в расположении царских временщиков. Он требует народного представительства на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права" (принято единогласно при громе аплодисментов).

Забастовка продолжалась, но с каждым днем становилось все яснее, что время последнего и решительного штурма еще не настало: орудие стачки притупилось и действовало менее успешно; организация восстания была еще не готова; провинция откликнулась, но недостаточно энергично. Нужны были новые усилия, чтобы сомкнуть борющиеся ряды, подтянуть отставших, связаться с крестьянством, завоевать армию. Ноябрьская стачка достигла своей цели: она задержала наступление реакции, заставила правительство отказаться от военно-полевого суда над матросами (повстанцы были привлечены к обыкновенному суду „за буйство в пьяном виде"), смягчить

военное положение в Польше. Большего забастовка не могла достигнуть—она осталась внушительной и дружной демонстрацией революционных сил, боевым призывом пролетариата к настороженной армии. Сыграв свою роль, она должна была прекратиться, и, несмотря на возражения некоторых депутатов, Совет декретировал ее прекращение с 12 часов дня 7 ноября.

Ноябрьская стачка не прошла даром: выступление рабочих на защиту кронштадтских моряков получило широкую огласку в армии. С этих пор начинается рост революционного движения в войсках. В казармах созываются частые митинги, организуются революционные ячейки, избираются депутаты, вырабатываются экономические требования, вспыхивают солдатские стачки. Город за городом охватывают военные движения. Поднимаются суда черноморского флота, восстает крейсер „Очаков", образуется Севастопольский совет матросских и солдатских депутатов. На заседании Петербугского Совета являются делегаты воинских частей. Революционная зараза захватывает офицерство. Даже в царской гвардии начинается опасное брожение: происходят аресты солдат, созываются политические собрания гвардейских офицеров Правительство лицом к лицу перед новой и грозной опасностью. Петербургский Совет достиг своей цели: ноябрьским выступлением он начал завоевание армии, которая должна была составить военную опору победоносного восстания. Теряя ненадежных буржуазных союзников, пролетариат привлекал к себе новые могущественные силы

Положение правительства становилось критическим: его враг усиливался с каждым днем, с каждым часом. Открытое существование крупного революционного центра острым клином врезалось в самодержавный порядок. К концу ноября Совет

достиг наивысшего могущества и влияния. В его состав входили 562 депутата от 147 фабрик и заводов. 34 мастерских и 16 профессиональных союзов. Первое место занимали рабочие металлисты, их было 351 человек; на втором месте стояли текстильщики (57 депутатов), за ними — печатники и бумажники (32 деп.), далее — древообделочники (23 деп.) и т. д. Депутаты не только участвовали в общих заседаниях Совета, они вели энергичную и непрерывную работу в районах, организуя массы и руководя движением. Совет сплетался с пролетариатом столицы тысячью разнообразных нитей; он был не только боевым политическим центром, но и средоточием повседневной экономической борьбы: руководил частичными экономическими стачками, улаживал столкновения, помогал безработным, давал советы и указания. Помещение Исполнительного Комитета всегда было полно рабочими и не одними рабочими: к Совету депутатов тянулись разнообразные слои тружеников, ища поддержки и опоры в центральном пролетарском органе. Союз железнодорожников входил в его состав на равноправных началах; то же право было предоставлено молодому союзу почтово-телеграфных служащих. Когда почтовики начали свою профессиональную забастовку, Совет оказал им самое энергичное содействие. С Советом сносилась провинция, которая искала у столицы руководящих боевых указаний: получались не только письменные запросы, приезжали и делегаты из далеких губерний. Крестьянство присылало сюда своих ходоков, заявлявших о солидарности города и деревни; Крестьянский Союз имел на заседаниях собственных представителей. В моменты забастовок, когда останавливались железные дороги, почта и телеграф, Совет осаждали просители из буржуазной и даже аристократической среды: не от

правительства, а от рабочего Совета зависело сделать то или иное исключение, выдать пропуск или разрешение на посылку телеграммы. Сам Совет рассылал по губерниям своих делегатов для установления связи и для образования провинциальных советов. Целый ряд городов последовал примеру Петербурга: Москва, Тверь, Кострома, Николаев, Одесса, Новороссийск, Баку, Ростов, различные пункты Донецкого бассейна, фабричные центры севера и юга образовали собственные Советы рабочих депутатов. Эти новорожденные органы становились массовыми центрами революционной борьбы, старались использовать и повторить боевой опыт столицы. Вопрос о всероссийском об'единении уже выдвигался на первую очередь; было ясно, что революция победит только при условии такого организованного единства. Началась подготовка всероссийского с'езда советов, впереди мелькала возможность еще более мощного и крепкого сплочения революционных сил.

Петербургские рабочие с гордостью взирали на свой руководящий орган. „Это — наше правительство", говорили они про свой Совет. Действительно, Совет депутатов был настоящим революционным правительством рабочего класса: он издавал декреты и манифесты, повелевая сотнями тысяч людей; он говорил властным и гордым языком с своим врагом—самодержавным правительством; он рассылал полномочных комиссаров по всей России; а главное, он заключал в себе громадный запас революционной энергии, которая стекалась к нему со всех концов взволнованной и борющейся страны. Он не скрывал своих целей: публично и громко он призывал к восстанию, к ниспровержению старой власти, к созданию нового строя. Он стремился к захвату власти и частью уже захватил ее.

Бессильное правительство поневоле мирилось с его существованием; в лице министров, подчиненных чиновников, полицейских приставов, военных начальников оно вступало с Советом в переговоры, отвечало на его запросы, нередко исполняло его требования. За Петербургским Советом стояли массы, и в этом была его сила. Опасаясь нового революционного взрыва, правительство спешило мирно уладить возникавшие осложнения. Никогда это не проявлялось с такою очевидностью, как в день 23 ноября, в связи с приговором в Кушке.

Почтово-телеграфная забастовка была в полном разгаре. Единственный работавший телеграфный провод находился в здании Совета. Внезапно, в 8 часов вечера, была получена тревожная телеграмма с далекой азиатской окраины, из крепости Кушка: «Инженер Соколов и несколько железнодорожников приговорены к смертной казни за участие в забастовке; казнь на рассвете; помогите!». Немедленно Исп. Комитет посылает ультимативное требование Витте — приостановить исполнение приговора под угрозой всеобщей железнодорожной забастовки; срок — до 12 часов ночи. В течение четырех часов, с помощью телеграфа, поднята на ноги вся железнодорожная Россия. С замиранием сердца президиум Совета ждет правительственного решения. Витте пытается сослаться на свою неосведомленность в данном деле. Ему еще раз повторяют ультиматум. Стрелка часов приближается к двенадцати. За пять минут до назначенного срока приходит ожидаемый ответ: смертная казнь приостановлена, дело передано к доследованию. Исполнительный Комитет торжествует победу. Проволока телеграфа сообщает по всей России, что конфликт улажен.

Совет Рабочих Депутатов превратился во „второе правительство“. Еще немного — и он поведет

против твердынь самодержавия соединенные колонны рабочих, крестьян и армии.

III. Последние дни Совета.

Правительство прекрасно сознавало опасность создавшегося положения. Военные силы в Европейской России были ничтожны. Финансовые средства иссякали. Пролетариат был накануне восстания, крестьянство стихийно бунтовало, армия разлагалась политической пропагандой. Революция спешно организовывала свои силы. Приближался момент последнего и решительного штурма, — об этом открыто говорили резолюции Совета. Но у правительства уже есть надежные союзники: за ним не только погромные черносотенные банды, не только испуганные обывательские массы, за ним—помещики, которым угрожает бунтующая деревня, за ним буржуазия, раздраженная ростом рабочего движения. Опираясь на эти общественные силы, правительство решает перейти в энергичное наступление и прежде всего—обезглавить петербургский пролетариат, арестовать ненавистный Совет рабочих депутатов. На царскосельском совещании 19 ноября выносится это решение, но провести его в жизнь оказывается не так легко: нужно действовать исподволь, осторожно, пробуя свои силы, нащупывая слабые места противника. Правительство знает: питерские рабочие истощены беспрерывными забастовками, ноябрьский локаут нанес им новый удар, страдания безработицы понижают революционную силу и ослабляют энергию работающих. Правительство об'являет рабочим казенных предприятий, что всякая новая забастовка повлечет за собой окончательное закрытие заводов. Играя на темных чувствах отсталых слоев, правительство начинает кампанию клеветы против Совета: выпу-

скаются прокламации с обвинением Совета в засилии, в растрате рабочих денег, в пренебрежении к рабочим интересам. Начинаются частичные аресты то одного, то другого депутата. Арестуется бюро Крестьянского Союза. Наконец 26 ноября, через неделю после царскосельского совещания, Исполнительный Комитет оцепляется войсками, в помещение вводится полиция и арестовывается председатель Совета—Г. Хрусталев-Носарь. Правительство ждет, как отзовутся на этот вызов Совет Рабочих Депутатов и петербургский пролетариат?

Хрусталев-Носарь не был политическим руководителем Совета; беспартийный адвокат, вынесенный наверх потоком революции, он был известен рабочим массам, и, попав в председатели, оказался умелым организатором. Его значение в Совете было сравнительно невелико, но он был избранником рабочих, официальным представителем пролетарского правительства. Арест председателя был несомненным и серьезным ударом по всему Совету Неужели молча вынести этот удар? Неужели спокойно отдаться насилию реакции?

Эти вопросы во всей своей остроте встали на заседании 27 ноября. После продолжительных прений Совет приходит к следующему выводу: арест председателя есть начало правительственного наступления; нужно отвечать на него не петербургской забастовкой, а всероссийским штурмом; не раздроблять свои силы в частичных выступлениях, а, пользуясь оставшимся временем, собирать их для общего могучего удара. Единогласно принимается краткая резолюция: „26 ноября царским правительством взят в плен председатель Совета Рабочих Депутатов, товарищ Хрусталев-Носарь. Совет Рабочих Депутатов выбирает временный президиум и продолжает готовиться к вооруженному восстанию“. В президиум избираются 3 социал-демо-

крата во главе с Троцким, выдающимся оратором Совета, автором важнейших резолюций и передовых статей „Известий“. Исполнительный Комитет наполняется новыми членами и снабжается широкими полномочиями: наступает момент, когда общие заседания Совета могут оказаться невозможными. Наконец, по предложению Крестьянского Союза, Совет решает выпустить манифест с призывом не платить налогов, брать вклады из государственного банка и сберегательных касс, требовать расчетов золотом, считать недействительными все займы, заключенные правительством во время войны с народом. Так на удар самодержавия Совет отвечает революционным ударом, который может приобрести громадное значение: правительство на краю банкротства, всенародный отказ в доверии власти еще более подорвет ее денежные средства. Заседа ние заканчивается знаменательной демонстрацией: представитель Центрального Комитета Крестьянского Союза под гром рукоплесканий и шумные клики обменивается рукопожатием с председателем пролетарского Совета: победа восстания возможна только при братском союзе рабочих и крестьян

Через 3 дня финансовый манифест к народу опубликован в петербургских газетах. Совет не ошибся: нанесенный удар попадает в самое больное место противника. Правительство мобилизует все свои силы, арестует и закрывает 8 газет; об'являет „каторжный закон“ о запрещении стачек в общественно-необходимых предприятиях. Реакция наступает, настроение возбуждено, приходит час последней борьбы

На 3 декабря созывается очередное заседание Совета. Предварительно собирается Исполнительный Комитет, который ставит на обсуждение коренной вопрос—переходить ли в решительное наступление? Представитель социал-демократической партии от

лица „комитета“ и „группы“ высказывается за об'явление всеобщей забастовки; его поддерживают и другие ораторы. Во время прений в соседнее помещение начинают собираться депутаты Совета. Внезапно приходит известие, что правительство готовится арестовать Совет. Заседание продолжается. Приходит новое сообщение — Измайловскому полку приказано быть наготове для помощи полиции. Заседание продолжается попрежнему; решено не оказывать сопротивления, но и не прерывать занятий. Прилегающие улицы наполняются пехотой и конницей. Здание Совета оцеплено. Слышится топот ног, лязг оружия, звяканье шпор. В помещение врываются солдаты, держащие ружья наперевес. Полицеймейстер пытается прочесть приказ об аресте, но председатель не дает ему слова: заседание еще продолжается. Один из депутатов встает и произносит горячую речь: он говорит, что грубое насилие правительства доказывает необходимость и неизбежность забастовки. Она разразится, и исход этого последнего столкновения будет зависеть от поведения войск. Пусть же они встанут на защиту родины! (При этих словах офицеры поспешно закрывают двери, за которыми стоят солдаты.) „Пусть“ возвышает оратор свой голос, „братский призыв рабочих всей измученной страны донесется до солдат! Пусть он, не заглушенный грохотом барабанов, сквозь законопаченные двери казарм найдет себе дорогу к солдатскому сердцу. Солдаты—дети народа. Дело народа—их дело!“

В комнату вламываются жандармы и полиция. Председатель закрывает собрание. Депутатов об'являют арестованными, обыскивают и препровождают в тюрьму. На следующий день известие об аресте Совета разносится по Петербургу и по всей России.

На смену арестованным петербургский пролетариат выбирает новых депутатов. Новый Совет

избирает Исполнительный Комитет и об'являет всеобщую политическую забастовку. Снова поднимаются рабочие фабрик и заводов. Но правительство снова выслеживает и арестует избранников рабочих.

Ряды петербургского пролетариата расстроены—правительство верно рассчитало свои удары. Забастовка столицы не переходит в вооруженное восстание. Руководящая роль в революции переходит к Москве—на арест Петербургского Совета она отвечает всеобщей стачкой и баррикадными боями. Забастовки и восстания вспыхивают в целом ряде провинциальных центров. Но организация масс еще не успела обеспечить единовременного и повсеместного удара. А главное, союз пролетариата и армии, о котором говорил последний оратор арестуемого Совета, не успел еще пустить глубокие корни. Революция подавлена, ее окончательная победа отсрочена на целый ряд лет...

Через несколько месяцев, пользуясь отливом массового движения, правительство организует судебную расправу с захваченным противником: 52 члена Исполнительного Комитета привлекаются к суду царских чиновников. Петербургский пролетариат в бесчисленных заводских резолюциях заявляет о полной солидарности с своими избранниками. Подсудимые не скрывают своих убеждений и развертывают на суде подробную картину деятельности Совета. Приговор предрешен заранее: 15 вождей присуждены к ссылке на поселение, двое—к заключению в крепости. Расправа с Советом становится одним из эпизодов начавшейся реакции: в России уже наступала мрачная полоса арестов, ссылок и смертных казней.

Но идея Совета Рабочих Депутатов не умерла в тяжелые реакционные годы: она воскресла в тот день, когда об'единившиеся рабочие и солдаты одержали революционную победу на улицах восставшего Петрограда

ЧТО ЧИТАТЬ

по истории Петербургского Совета Рабочих Депутатов 1905 г.

) На первое место следует поставить воспоминания личных участников Совета: * *Л. Троцкий*. 1905. 2-е издание. М. Госиздат, 1922, 83 — 211, 317 — 360 с. * *Д. Сверчков*. На заре революции. 3-е изд. Л. Госизд. 1925, 114 - 219 с. *Евгений*. Петербургский Совет Рабочих Депутатов (очерк возникновения). «Отклики Современности» 1906 г. № 5. — * *История Совета Рабочих Депутатов г. С.-Петербурга*. Статьи Н. Троцкого, А. Кузовлева, Г. Хрусталева-Носаря, В. Звездина, С. Введенского, А. Симановского, Б. Петрова-Радина, П. Злыднева, Н. Немцова и М. Киселевича. Издат. Н. Глаголева. Спб.— *Б. Радин*. Первый Совет Рабочих Депутатов. Спб. 1906.

2) Очень важны сохранившиеся документы о деятельности Совета. Они напечатаны в следующих книгах: *М. Коваленский и Е. Мороховец*. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Книга IV. М. Изд «Мир» 1925.—«*Известия Совета Рабочих Депутатов*». Ленинградский Истпарт Госиздат Л. 1925.

3) Описанию деятельности Совета посвящены две книги: *Н. Бабахан*. Советы 1905 года. Изд. «Московский Рабочий» 1923 г. (более краткая и популярная) — * *П. Горин*. Очерки по истории Советов Рабочих Депутатов в 1905 г. М. Изд. Комм. Унив. им. Я. М. Свердлова, 1925 г. (использован архивный материал).

* Отмечены более рекомендуемые сочинения.

КАБИНЕТ

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА“
за 1925 г.

состоит из 30 книжек (52 номера) размером 16—112 стр. каждая, всего 850 стр.

1. **Вл. Виленский-Сибиряков**—Кровавое воскресенье (9 янв.).
2. „ „ —Ленин в сибирской ссылке.
3—4. **П. Швецов** - Провокатор Окладский.
5. **Билибин**—Орловский централ.
6—7. **М. Ф. Фроленко**—„Милость“.
8. **Каллистов**—Тобольский централ.
9—10. **Андрей Соболь** —„Колесуха“. Амурск. колесная дорога.
11. **М. Ф. Фроленко**—1881 год.
12. **Н. Подвойский**—Первый совет рабочих депутатов.
13—14. **А. Капгер**—Верхоянская ссылка.
15—19. **Н. М. Дружинин**—Кто были декабристы и за что они боролись?
20—21. **Я. Свердлов**—Царская ссылка за десять лет (1906—1916 гг.).
22—23. **Вл. Виленский-Сибиряков**—Два юбилея (1825 и 1905).
24—25. **С. Сибиряков** Г. И. Котовский.
26. **В. Алексеев**—Николай I и декабристы.
27—29. **Е. Закс**—Побеги русских революционеров.
30—31. **С. Я. Штрайх**—П. Г. Каховский.
32. **С. Я. Штрайх**—К. Ф. Рылеев.
33. **В. Н. Фигнер**—М. В. Новорусский.
34. **С. Я. Штрайх**—М. П. Бестужев-Рюмин.
35—36. **И. Коган**—Декабрьское восстание в Москве 1905 г.
37. **К. Беркова**—С. М. Кравчинский (Степняк).
38—39. **М. Клевенский**—С. И. Муравьев-Апостол.
40—41. **Ю. Бочаров**—Севастопольское восстание 1905 г.
42—45. **А. Соболь**—„Давай улетим...“ Пьеса из жизни каторжан на „колесухе“.
46. **И. Коган**—Погромы в дни свобод.
47—48. **Н. Дружинин**—Петербургский Совет Рабочих Депутатов.
49. **В. Фигнер**—Жены декабристов.
50—51. **Маркелов**—П. И. Пестель.
52. **И. Коган**—Карательные экспедиции 1905 г.

Цена полного комплекта Дешев. Библиотеки за 1925 г 2 р. 50 к.

Цена 10 коп.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ

Конторы Издательства Всесоюзного Общества
Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев.
Москва, Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-73.

Склад изданий: Книжный склад „МАЯК".
Москва, Петровка, 7, телефон 3-63-20.